

Полякова Н. В.

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОСЕССИВНЫХ МАРКЕРОВ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Рассматриваются различные подходы к дефиниции термина «посессивность», описывается семантическая неоднородность категории посессивности, освещается отторжимая и неотторжимая принадлежность, перечисляются основные способы выражения категории посессивности в селькупском языке. Посессивные отношения в диалектах селькупского языка могут выражаться морфологическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим способами. Морфологический способ выражения посессивных отношений заключается в присоединении лично-притяжательных суффиксов к именам существительным или другим частям речи. Предикативные посессивные конструкции селькупского языка могут быть распределены по пяти группам, самыми частотными конструкциями среди которых являются конструкции с именем существительным или местоимением, оформленным показателем *-nan* и глаголом *ēqo* 'иметь, обладать' или *čaŋkiqo* 'не иметь, не обладать'. Посессивные показатели селькупского языка не только выражают принадлежность, но и определенность, они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функции.

Ключевые слова: *атрибутивная посессивность, предикативная посессивность, селькупский язык, дейктические функции посессивных маркеров.*

Посессивность (притяжательность) является одной из универсальных понятийных категорий, что позволяет констатировать наличие в любом языке конвенционально принятых средств ее выражения. Разные языки обладают различными лексическими, грамматическими и лексико-грамматическими средствами, используемыми для объективации набора конституирующих категорию посессивности значений. Языки мира по-разному вербализуют абстрактные посессивные отношения: в одних языках неотторжимая принадлежность морфологически выражена, в других – нет; в одних языках объективируется как внутренний, так и внешний посессор, в других – нет.

Категория посессивности является одной из наиболее описанных в теоретическом плане грамматических категорий языка, см. (Зайлер, 1983; Хайне, 1997; Милованова, 2007; Едыгарова, 2010), однако средства выражения данной категории в языках, относящихся к разным языковым группам и семьям, в том числе и в языках миноритарных этносов, находящихся под угрозой исчезновения, а также непосессивные значения различных посессивных маркеров по-прежнему продолжают оставаться в фокусе исследовательского внимания.

Способы выражения категории посессивности в самодийских и финно-угорских языках неоднократно становились предметом отдельных научных изысканий, см.: (Ким, 1987; Полякова, 2015, 2016; Vorobeva, Fedorinova, Kolesnik, 2015; Ким-Малони, Ковылин, 2015; Фильченко, Потанина, 2016; Vorobeva, Novitskaja, Girfanova, Vesnin, 2017 и др.).

Несмотря на то, что категория посессивности вызывала и вызывает интерес у лингвистов, у ученых не сложилось единого понимания ее содержания. Камнем преткновения в научных дискуссиях является вопрос о том, следует рассматривать данную категорию в широком или узком аспекте.

В широкой трактовке посессивность рассматривается как связующее значение, реализующееся в сочетаниях различной семантики, в узкой трактовке посессивность сводится к значениям обладания, владения (Полякова, 2015: 51).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

Посессивные отношения не являются однородными. При тщательном анализе их содержания они выстраиваются в сложную иерархическую структуру. Их категоризация зависит, в основном, от двух основополагающих фактов: от одушевленности или неодушевленности посессора и объекта обладания; от того, включает ли обладатель тот или иной предмет в свою личную сферу владения или относит его к внешнему, вещественному миру.

Согласно Б. Хайне, прототипические случаи выражения посессивности представляют собой набор определенных составляющих: посессор (одушевленный субъект), обладающий правом использовать объект посессивности; конкретный объект посессивности (собственность); пространственное приближение между посессором и объектом; отсутствие временных ограничений на отношения посессивности (Хайне, 1997: 39).

Аналогичное определение принадлежит Х. Зайлеру: «Лингвистический посессор является репрезентацией отношений между двумя субстанциями. Субстанция *A*, называемая посессором, прототипически одушевленная, конкретнее – является человеком, а если еще более сузить определение, обладает индивидуальностью или близка к говорящему» (Зайлер, 1983: 4).

В качестве универсального определения посессивности можно использовать следующее определение: отношение двух предметов или «субстанций», именуемых посессор и обладаемое, выражающих семантическое понятие «притяжательности» и связанных между собой особым образом (Едыгарова, 2010: 13–14).

Принадлежность поддается дифференциации в зависимости от характера объекта обладания. Она может быть рассмотрена как абсолютно неотчуждаемая (*ее руки*), или как относительно неотчуждаемая (*его борода*), или как окказионально неотчуждаемая (их земельный участок), или как собственно отчуждаемая (*его автомобиль*) (Категория посессивности... 1989: 70).

В качестве синонимов прилагательных неотчуждаемый (*inalienable*) и «отчуждаемый» (*alienable*) употребительны «неотторжимый» (*inseparable*) и «отторжимый» (*separable*) с естественным распространением синонимии на соответствующие производные существительные (например, «неотчуждаемость» – *inalienability* и «неотторжимость» – *inseparability*). В круг имен неотчуждаемой (неотторжимой) принадлежности обычно зачисляются названия частей тела, имена родства, названия абстрактных сущностей, проявляющих себя в качестве характеризующих лицо констант, названия всего того, без чего посессор не может обходиться (Липеровский, 2009: 10–11). За пределы этого круга не выходят имена объектов обладания – членов посессивного отношения, именуемого иногда ингерентным или имманентным. За «имманентную, т.е. неотделимую от владельца» принимается посессивность, которая содержится «в названиях родства, в названиях частей тела, в некоторых определениях социальных отношений и т.п.», под имманентную посессивность подводится отношение части к целому (Липеровский, 2009: 11).

Посессивные отношения могут быть представлены в языках атрибутивными и предикативными конструкциями, выражающими различные типы посессии.

Выражение посессивных отношений с помощью именной фразы обозначают термином «атрибутивная посессивность».

В селькупском языке имена родства и свойства, анатомическая лексика, названия предметов домашнего обихода употребляются с лично-притяжательными суффиксами и противопоставляются словам, немислимым как собственность отдельного лица или коллектива: *to* 'озеро', *qi* 'река', *tači* 'лес, тундра'. Данные слова употребляются, как правило, без лично-притяжательного оформления. В случаях употребления подобных существительных с лично-притяжательными суффиксами эти суффиксы используются не в притяжательной функции, а в указательной, выделительной (Беккер, Алиткина, Быконя и др., 1995: 76).

В селькупском языке для передачи посессивных отношений могут быть использованы морфологический, морфолого-синтаксический и синтаксический способы. При морфологическом способе к именам существительным или другим частям речи присоединяются лично-притяжательные суффиксы (Полякова, 2015: 51–54).

При морфолого-синтаксическом и синтаксическом способах посессивные отношения выражаются различными посессивными конструкциями, состоящими, как правило, из двух слов. Первый член посессивной конструкции (имя существительное или местоимение) служит определением и является обладателем, а второй член посессивной конструкции (имя существительное) выступает в роли определяемого и является обладаемым (Полякова, 2015: 51–54).

1. Об. Ш *Awət kūmba kuşaj pod İd'a tēlīmba* 'Мать умерла в который год Идя родился'.

<i>Awə-t</i>	<i>kū-mb-a</i>	<i>kuşaj</i>	<i>pod</i>	<i>İd'a</i>
Мать-POSS.3 SG. Nom	умереть-PSTN-3 SG sub	сколько	год	Идя
<i>tēlī-m-b-a</i>				
родиться-VBLZ-PSTN-3 SG sub				

2. Нар. *Nagur timñam Solotoj jurtan kβanbat, ambam kβinba köngan* 'Три брата в Золотые Юрты уехали, мать уехала в Кенгу'.

<i>Nagur</i>	<i>timña-m</i>	<i>Solotoj jurta-n</i>	<i>kwan-b-at</i>
Три	брат-POSS.1SG	Золотые юрты-LAT2	поехать-PSTN-3PL
<i>amba-m</i>	<i>kβin-b-a</i>	<i>köngan-n</i>	
POSS.1 SG. Nom	поехать-PSTN-3SG.sub	Кенга-LAT2	

3. об.Ш *Kw'esse māt tōmba, pajayund ēžalgwa* 'Назад домой пришел, своей жене сказал'.

<i>Kw'esse</i>	<i>māt</i>	<i>tō-mb-a</i>	<i>paja-yund</i>
Назад	домой	прийти-PSTR.3SG.sub	старуха-LAT.POSS.3SG.sub
<i>ēžal-gw-a</i>			
сказать-HAB-3SG.sub			

Важная типологическая черта языков определяется в сфере выражения посессивности тем, какой из глаголов-предикатов участвует в строении конструкций, утверждающих посессивное отношение (с семантикой обладания): переходный глагол типа «иметь» или непереходный глагол типа «быть». На этом основании ученые условно подразделяют все языки на Habeo-языки и Esse-языки.

Наряду с понятием бытия в социальной философии известно также понятие обладания, которое вслед за идеей бытия составляет категорию второго порядка, так как обладанию предшествует бытие, ср.: «понятие посессивности берет свое начало в понятии существования, которое является первичным по отношению к понятию посессивности (Herslund, Baron, Sorenson, 2001: 12). Поэтому понятия «быть» и «иметь» представляют собой два диаметрально противоположных явления смысла жизни человека. «Быть» – это значит реализовать для себя такую программу жизнедеятельности, которая бы отвечала духовным потребностям человека, его истинной сути. «Иметь» – это, с одной стороны, то, чем в каком количестве я обладаю, а с другой стороны, то, как принадлежащие мне вещи обладают мной (Herslund, Baron, Sorenson, 2001: 12). Следовательно, обладание находится в тесной связи с понятием обладания предметами неотторжимой, материальной, духовной собственности, а также с идеей принадлежности одного предмета другому предмету.

Опираясь на взгляды некоторых ученых, М. Ю. Сюткина детализирует участки концептуальной сферы категории посессивности и включает сюда ряд субкатегорий:

– собственно владение – обладание материальными объектами, каким-либо конкретным видом собственности, эта разновидность обладания основывается на отношении отчуждаемой принадлежности;

– обладание частями и органами тела; обладание психическими, физическими, эмоциональными свойствами и качествами, т.е. всем тем, что характеризует человека как физическую и психическую личность, данная разновидность обладания характеризуется отношением неотчуждаемой принадлежности;

– обладание семейно-родственными, социальными, функциональными и другими отношениями, характеризующими «личную сферу» человека. Собственно, обладание (материальное обладание) подразделяется, в свою очередь, на обладание собственника и обладание не-собственника. Обладание собственника предполагает, что обладатель имеет право владеть,

пользоваться и распоряжаться обладаемым в пределах, установленных законом. Обладание несобственника предполагает, что, хотя он и имеет, пользуется и передает предмет другому лицу, он не имеет права распоряжаться этим предметом (Сюткина, 2004: 56).

Понятие посессивности следует интерпретировать более широко, увязывая ее с понятием не-лиц. Человеческое сознание отражает реальный мир через субъективную призму своих органов чувств. При этом десигнатом такого отражения может быть принадлежность чего-либо, или кого-либо, или кому-либо, или же чему-либо, хотя эти два типа отношений не совсем идентичны, так как в первом случае за посессором закреплено особое право, а во втором – такое право отсутствует у обладателя. Тем не менее и в случае принадлежности предмета лицу и при его отнесенности к объекту – не-лицу подразумевается идея обладания.

Структурной особенностью предикативной посессивности является наличие всех компонентов посессивной ситуации: обладателя, обладаемого и посессивного предиката.

Предикативные посессивные конструкции селькупского языка могут быть распределены на пять групп, наиболее частотными из них являются конструкции с именем существительным или местоимением, оформленным показателем *-nan* и глаголом *ēqo* ‘иметь, обладать’ или *čaŋkiqo* ‘не иметь, не обладать’:

4. Ив. *Ponegese-nan qβezi porŋit eja* ‘У Пенегесе железная шуба-его есть’;

<i>Ponegese-nan</i>	<i>qβezi</i>	<i>porŋit</i>	<i>e-j-a</i>
Пенегесе-SG-LOC2	железная	шуба-SG.NOM.Px.3SG	быть-PRS.3SG

5. Ив. *Araganan tant t'angβa* ‘У старика ума-его нет’.

<i>Araga-nan</i>	<i>tan-t</i>	<i>t'ang-β-a</i>
Старик SG-LOC2	ум- Px.3SG	отсутствовать (не иметься)-PRS.3SG

Подробнее см.: (Ким-Малони, Ковылин, 2016; Полякова, 2016).

Самым древним способом выражения посессивных отношений исследователи считают употребление немаркированной притяжательной конструкции, в которой слово, обозначающее обладателя, предшествовало слову, обозначающему обладаемое (Майтинская, 1974: 267; Федотов, 1990; 336).

По мнению некоторых ученых, посессивные суффиксы восходят к соответствующим прауральским личным местоимениям (Майтинская, 1974: 267; Серебренников, 1971).

Отмечается, что в уральских языках посессивные показатели не только выражают принадлежность, но и определенность, они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функцию (Кузнецова, 2003: 249–259; Николаева, 2003: 130–145). Ученые полагают, что корни данного явления уходят в прауральскую эпоху (Майтинская, 1974: 270).

Во многих языках дейктические и посессивные значения тесно связаны между собой: посессивные маркеры используются для выражения анафорической связи между первым и последующими упоминаниями лица или предмета.

Посессивность почти во всех уральских языках – грамматическая категория, реализующаяся в трехчленной системе оппозиций; система обладает четкой структурой: противопоставлением друг другу рядов личных форм единственного и множественного чисел. В показателе посессивности обычно наблюдается синкретизм: лично-притяжательные суффиксы означают не только принадлежность, но и определенность; они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функции, конкретно устанавливаемые лишь из контекста, и некоторые другие (Кузнецова, 2003: 249–250).

Авторы «Очерков по селькупскому языку» указывают на возможность использования посессивных форм третьего лица для выражения анафорической связи между первым и последующими упоминаниями предмета. В данном случае элиминируется собственно посессивное значение:

6. таз. *Qoltyt qanyqqyn anty totta, antyty lapykəl eja* ‘На берегу реки челнок стоит, челнок- этот без весла (есть)’ (Кузнецова и др. 1980: 187).

<i>Qolty-t</i>	<i>qanyq-qyn</i>	<i>anty</i>	<i>tott-a</i>
река-GEN	берег-LOC	челнок	стоять-PRS.3SG
<i>anty-ty</i>	<i>lapy-kəl</i>	<i>ε-η-a</i>	
челнок-3SG	весло-CAR	быть-PRS-3SG	

7. об.Ш *Arat mad'ond qwāza* ‘Старик в лес ходил’.

<i>ara-t</i>	<i>mad'o-nd</i>	<i>qwā-z-a</i>
Старик-DEF	тайга-LAT	идти-PST3SG.sub

Для выражения большей определенности предмета, обозначаемого прямым дополнением, в селькупском языке используется посессивная форма имени существительного:

8. таз. *Mannupraty kīncumty* ‘смотрит запор свой’.

<i>mannupra-ty</i>	<i>kīncy-m-ty</i>
Смотреть-3SG.PRS	запор-ACC-3SG.POSS

В тех случаях, когда требуется специальное указание на определенность, посессивная форма используется даже тогда, когда никаких лично-притяжательных суффиксов быть не должно:

9. таз. *imyl'a, mēšak-ly mōtty tultät* ‘бабушка, мешок-твой в чум внеси’,

<i>Imyl'a</i>	<i>mēšak-ly</i>	<i>mōtty</i>	<i>tult-ät</i>
бабушка	мешок-POSS.2 SG.ACC	в чум	вносить-IMP2SG

10. таз. *tap qum-ly mōssä tultyläl sä* ‘этого человека-твоего с чумом донес бы’

<i>Tap</i>	<i>qum-ly</i>	<i>mō-ssä</i>	<i>tultyläl sä</i>
Этот-GEN	человек-POSS.2SG. AKK	дом-INSTR	нести-1SG.OPT

(Кузнецова и др., 1980: 385).

При втором лице императива прямое дополнение часто оформляется посессивным показателем того же лица и числа даже при отсутствии ситуации обладания:

11. таз. *tōnna ira-l apstätü* ‘накорми вон того старика (буквально: твоего старика)’ (Кузнецова и др., 1980: 188).

<i>Tōnna</i>	<i>ira-l</i>	<i>apst-ätü</i>
Тот-PRON.	старик-POSS.2SG. AKK	кормить-2SG.IMP

Однако нет оснований приравнивать суффикс *-ty* к определенному артиклю, название одного и того же предмета может повторяться в тексте произвольное количество раз и в непосессивной форме (Кузнецова и др., 1980: 187).

Следовательно, употребление показателей посессивности для выражения определенности в селькупском языке носит факультативный характер.

Несколько иной взгляд на проблему связи определенности и посессивности представлен в работе И. Николаевой. С ее точки зрения, понятие определенности не может адекватно объяснить употребление и дистрибуцию посессивных аффиксов с непосессивными значениями. Она считает, что непосессивные значения служат для идентификации, передачи ассоциативной связи с другим элементом, а также эмпазы, контраста (Николаева, 2003: 130).

Значения данной категории образуют своеобразную семантическую сеть, в которой можно выделить разные зоны: четко противопоставленные друг другу и пересекающиеся, древние и новые, сильно или слабо зависимые от контекста и т.д. Собственно посессивное значение в силу своей максимальной независимости от контекста, высокой частоты встречаемости, легкости восприятия является ядром грамматической категории. По отношению к нему как к центру значения дейктическое (указательное, или демонстративное), детерминативное (определенное), интенсивное (усилительно-выделительное) и другие будут составлять периферию всей семантической области анализируемой граммы (Кузнецова, 2003).

Посессивное значение является ядром, центром грамматической категории, прототипическим значением посессивных форм в диалектах селькупского языка. По отношению к нему

указательное, определенное, усилительно-выделительное и другие значения составляют периферию анализируемой грамматики, они являются непрототипическими значениями посессивных форм (Кузнецова, 2003: 250).

Интерес исследователей к выражению в языках категории посессивности, в силу ее универсальности и всеобщности, вполне закономерен, однако до сих пор полностью не охарактеризована национально-культурная специфика восприятия и отражения в языке различных посессивных отношений. Сопоставительный подход к описанию и характеристике категории посессивности позволит выявить сходства и различия в структурировании посессивных отношений как в близкородственных, так и неблизкородственных языках.

Список сокращений

Ив. – Иванкино, Нап. – Напас, нар. – нарымский диалект селькупского языка, Нельм. – Нельмач, об. Ш – обские говоры Шёшкун и Шёшкуп, таз. – тазовский диалект селькупского языка;

ACC – аккумулятив, CAR – каритив, OPT – оптатив, POSS – посессив, PRON – местоимение, PRS – презенс (настоящее время), Pх – посессивный суффикс PST – прошедшее время индикатива, LOC1 – локатив1, LOC2 – локатив 2, SG – единственное число, PL – множественное число, DEM – показательная местоименная основа.

Список литературы

Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. – Ч. I. – Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. – 292 с.

Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. URL: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dg.pdf.

Категория посессивности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1989. – 262 с.

Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1987. – 16 с.

Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Таксономия языковых средств выражения посессивности в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 36–44.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. – Т. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1980. – 411 с.

Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник статей. – Ижевск, 2003. – С. 249–259.

Липеровский В. П. Посессивные конструкции в хинди и русском языке. М.: ИВРАН, 2009. – 72 с.

Майтинская К. Е. Категория лично-притяжательности // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – С. 267–278.

Николаева И. Посессивные аффиксы в прагматической структуре высказывания: данные уральских языков // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. – Ижевск, 2003. – С. 130–145.

Полякова Н. В. Средства выражения посессивных отношений в диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 51–54.

Полякова Н. В. Основные способы выражения предикативной посессивности в диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2016. – № 4 (14). – С. 43–49.

Полякова Н. В., Воробьева В. В. Предикативные средства выражения посессивности в диалектах селькупского языка // Межкультурная коммуникация: теория практика: сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во ТПУ, 2016. – С. 212–215.

Серебрянников Б. А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М.: Наука, 1971. – С. 277–282.

Сюткина М. Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посессивных конструкций: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / М. Ю. Сюткина. – Ижевск, 2004. – 185 с.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990. – 336 с.

Фильченко А. Ю., Потанина О. С. Предикативная посессивность в восточных диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2016. – № 4 (14). – С. 60–72.

Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 292 p.

Seiler H. Possession as an operational dimension of language. – Tübingen: Gunter Narr, 1983. – 320 p.

Vorobeva V., Novitskaja I., Girfanova K., Vesnin V. Adnominal Possessive Constructions in Narym, Vasjugan and Middle-Ob Dialects of Selkup // Linguistica Uralica. – 2017. – Vol. 53, № 1. – P. 54–64.

Vorobeva V., Fedorinova Z., Kolesnik E. Three Crucial Crises in the Development of the Khanty and Mansi Unique Culture // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 206: Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations, LKTI. – P. 108–113.

Полякова Н. В., доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 01.11.2017 г.

Polyakova N. V.

PROTOTYPICAL AND NON-PROTOTYPICAL FUNCTIONS OF THE POSSESSIVE MARKERS IN THE SELKUP LANGUAGE

The paper overviews the various approaches to the definition of the term *possession*, semantic dissimilarity of the category of possession, detached and attached possession, the main ways to express the category of possession in the Selkup language. In dialects of the Selkup language the possessive relations can be expressed by morphological, morphological-syntactic and syntactic ways. The morphological way to express the possessive relations consists in attaching of the personal-possessive suffixes to nouns or other parts of speech. The predicative possessive constructions of the Selkup language can be divided into five groups, the most frequent of which are the constructions with a noun or a pronoun having a marker *-nan* and the verb *ēqo* 'to have, possess' or *čanjkiqo* 'not to have, not to possess'. The possessive markers of the Selkup language express not only possession, but also definiteness; they also perform the indicating, intensifying and distinguishing functions.

Keywords: *attributive possession, predicative possession, the Selkup language, deictic functions of the possessive markers.*

References

Bekker Je. G., Alitkina L. A., Bykonja V. V., Il'jashenko I. A. Morfologija sel'kupskogo jazyka. Juzhnye dialekty. Chast' I. [Morphology of Selkup Language. Southern dialects. Part 1.]. – Tomsk: TGU Publ., 1995. – 292 p. (in Russian)

Edygarova S. Kategorija posessivnosti v udmurtskom jazyke [Possession in Udmurt]. URL: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dr.pdf. (in Russian)

Kategorija posessivnosti v slavyanskix i balkanskix yazykax [The category of possession in the Slavic and Balkan languages]. – M.: Nauka, 1989. – 262 p. (in Russian)

Kim A. A. Vyrazhenie kategorii prjazhatel'nosti v dialektah sel'kupskogo jazyka: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The Expression of Possession in the Selkup Dialects]. – Tartu, 1987. – 16 p. (in Russian)

Kim-Maloney A. A., Kovylin S. V. Taksonomija jazykovyx sredstv vyrazhenija posessivnosti v sel'kupskom jazyke [Taxonomy of possessive language means in Selkup] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 36–44. (in Russian)

- Kuznetsova A. I., Helimskij E. A., Grushkina E. V. Oчерки po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt [Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect]. – M., MGU Publ., 1980. – Vol. 1. – 408 p. (in Russian)
- Kuznetsova A. I. Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenij v agglutinativnykh pokazatelej: dejkticheskie funktsii possessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulation of grammar meanings in the agglutinate markers: deictic functions of possession in the Ural languages] // International symposium on deictic systems and quantification in languages of Europe and Northern and Central Asia: proceedings. – Izhevsk, 2003. – P. 249–259. (in Russian)
- Liperovskiy V. P. Possessivnye konstruksii v khindi i russkom yazyke [Possessive constructions in the Hindi and Russian languages]. – M.: IVRAN, 2009. – 72 p. (in Russian)
- Majtinskaya K. E. Kategoriya lichno-prityazhatel'nosti [Category of personal-possession] // Basics of Finno-Ugric linguistics (issues of origin and development of the Finno-Ugric languages). – M.: Nauka, 1974. – P. 267–278. (in Russian)
- Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic // International symposium on deictic systems and quantification in languages of Europe and Northern and Central Asia: proceedings. – Izhevsk, 2003. – P. 130–145.
- Polyakova N. V. Sredstva vyrazheniya possessivnykh otnoshenij v dialektakh sel'kupskogo yazyka [The expression of possession in the dialects of Selkup] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2015. – № 4 (10). – P. 51–54. (in Russian)
- Polyakova N. V. Osnovnye sposoby vyrazheniya predikativnoj possessivnosti v dialektakh sel'kupskogo yazyka [The main ways of predicative possession expression in the Selkup dialects] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – № 4 (14). – P. 43–49. (in Russian)
- Polyakova N. V., Vorobieva V. V. Predikativnye sredstva vyrazheniya possessivnosti v dialektakh sel'kupskogo yazyka [Predicative means for expression of possession in the dialects of the Selkup language] // Intercultural communication: theory and practice: proceedings of the 16th International applied research conference. – Tomsk: TPU Publishing House, 2016. – P. 212–215. (in Russian)
- Serebrennikov B. A. K probleme proishozhdeniya prityazhatel'nykh suffiksov v tyurkskikh i ural'skikh yazykakh [The issue of origin of possessive suffixes in the Turkic and Ural languages] // Phonetics. Phonology. Grammar. – M.: Nauka, 1971. – P. 277–282. (in Russian)
- Syutkina M. Yu. Mezhekategorial'nyye svyazi ekzistencial'nykh i possessivnykh konstruksij [Intercategorical connections existential and possessive constructions]: Dis. Cand. of Filol. Sc.: 10.02.19 / M. Yu. Syutkina. – Izhevsk, 2004. – 185 p. (in Russian)
- Vedotov M. P. Chuvashsko-marijskije vzaimosvyazy [Chuvash-Mari language interconnections]. – Saransk: Saransk University Publishing House, 1990. – 336 p. (in Russian)
- Filchenko A., Potanina O. Predicative Possession in Eastern Khanty // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – № 4 (14). P. 60–72. (in Russian)
- Heine B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. – Cambridge, Cambridge University Press, 1997. – 292 p.
- Herslund M., Baron I., Sorenson F. Introduction: Dimensions of possession. Typological studies in language, 47/ I. Baron. – Copenhagen, 2001. – P. 48–62.
- Vorobeva V., Novitskaja I., Girfanova K., Vesnin V. Adnominal Possessive Constructions in Narym, Vasjugan and Middle-Ob Dialects of Selkup // Linguistica Uralica. – 2017. – Vol. 53, № 1. – P. 54–64.
- Vorobeva V., Fedorinova Z., Kolesnik E. Three Crucial Crises in the Development of the Khanty and Mansi Unique Culture // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 206: Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations, LKTI. – P. 108–113.

Polyakova N. V., associate professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com